

БОРОДИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ

Это сражение наше отечественное, наше родное. В эту священную потерю мы были вкладчиками всего нераздельного с нашим политическим существованием, всей нашей прошедшей славы, всей нашей настоящей народной чести, народной гордости, величия имени русского и всего нашего будущего.

Д.В. Давыдов

8 августа 1812 г. Император Александр I подписал Рескрипт о назначении генерала от инфантерии светлейшего князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова Главкомандующим всеми Российскими армиями. Прославленный полководец, «маститый страж страны державной», прекрасно сознавал, с чем связано его определение на высокий пост, чего ожидали от него Император, армия, Россия. Он выехал к войскам, еще не располагая сведениями об исходе трехдневных боев за Смоленск, который был оставлен ввиду численного превосходства неприятеля. Кутузов «перехватил» 1-ю Западную армию М.Б. Барклая де Толли и 2-ю Западную армию П.И. Багратиона в Цареве-Займище, уже на границе Московской губернии. Затянувшееся отступление вызывало гнев и негодование русских воинов, настойчиво требовавших генеральной битвы. «В наших общих молитвах, в том «Отче наш», с которым я обращался к Творцу, слышалась из глубины души одна мольба – чтоб завтра же нам дали возможность сразиться с врагом, хотя бы пришлось умереть – только бы дальше не отступали! Наша гордость, гордость еще не побежденного солдата, была оскорблена и глубоко возмущена. Как! Мы отступали перед надменным врагом, а они все глубже и глубже проникали в родные поля каждого из нас, все ближе и ближе и никем не сдерживаемые подступали к самому сердцу нашего общего Отечества», – свидетельствовал о настроениях в армии один из участников тех событийⁱ.

Ближайший сподвижник Кутузова генерал-квартирмейстер полковник К.Ф. Толь впоследствии вспоминал: «Мысль отдать столицу неприятелю без сражения ужасала каждого русского, и потому Главкомандующий решился остановиться на первой выгодной позиции, чтобы дать сражение неприятелю»ⁱⁱ. Тут возникла новая проблема: по словам немецкого генерала К. Клаузевица, «Россия чрезвычайно бедна позициями. <...> Поэтому, если полководец, как то было с Кутузовым, должен, не теряя времени, дать сражение и найти на протяжении двух-трех переходов подходящую местность, то, конечно, ему приходится мириться со многим»ⁱⁱⁱ. Кроме того, ландшафт надлежало увязать с количеством войск, находившихся под рукой у Главкомандующего. 21 августа, на пятый день своего приезда к армии, Кутузов отверг позицию при Колоцком монастыре (в семи верстах от Бородина), сообщив московскому генерал-губернатору графу Ф.В. Ростопчину: «Я доныне отступаю назад, чтобы избрать выгодную позицию. Сегодняшнего числа хотя и довольно хороша, но слишком велика для нашей армии и могла ослабить один фланг». Главкомандующий настойчиво запрашивал резервы и явно рассчитывал на содействие «фланговых» армий графа А.П. Тормасова и П.В. Чичагова, от которых на день битвы не поступало никаких известий. Тем временем неприятель был, по выражению князя Багратиона, «неотвязчив» в своем стремлении настигнуть русскую армию и навязать ей сражение, где бы то ни было.

По последним данным, численность русских войск при Бородине составляла около 150 тыс. человек при 624 орудиях против 135 тыс. Великой армии Наполеона при 587 орудиях. Подобное соотношение чисел, на первый взгляд, способствует нелицеприятной критике в адрес Кутузова, который, обладая численным превосходством в битве,

позволил своему противнику овладеть инициативой и сосредоточить превосходящие силы на направлении главного удара. Однако не следует безоглядно доверяться «оптимизму» цифр: специалистами давно подмечено, что «конкретность» и «точность» часто не совпадают, потому что «конкретные сведения могут быть очень ложными»^{iv}. Вместе с 15 тыс. новобранцев, раскассированных по полкам 18 августа, регулярные силы соединенных армий М.Б. Баркляя де Толли и князя П.И. Багратиона вместе составляли не более 110–115 тыс. В «списочный» же состав включено около 9 тыс. иррегулярной конницы – казаков, игравших в полевых сражениях вспомогательную роль и более 20 тыс. ополченцев, не только необстрелянных, но и почти безоружных. Взгляд Кутузова на «ополченное войско» ясно изложен в рапорте Александру I от 19 августа: «Имеющуюся ныне с армией Смоленскую милицию и часть Московской, в готовность пришедшую, употреблять я намерен таким образом, что приобшчу их к регулярным войскам, не с тем, чтобы ими оные комплектовать, но чтобы их употреблять можно там было иногда к составлению с пиками третьей шеренги или употреблять из за баталионами малыми резервами для отвода раненых или для сохранения ружей после убитых, для делания редутов и других полевых работ...»^v. Мысль использовать «ратников» для эвакуации раненых следует признать удачной: в русской армии в отличие от наполеоновской не существовало «летучих амбулансов». Причем ополченцы принимали раненых за линиями «баталионов», лишь добровольцы шли за ними на поле битвы.

В то же время из сообщений разведки Кутузов заключал, что неприятель располагает силами в 135-195 тыс. Последнюю цифру он считал сильно завышенной, но даже в этом случае на стороне русских не было простого численного превосходства в силах, что, естественно, позволяло Кутузову решиться исключительно на оборонительное сражение «для спасения Москвы...которое, однако же, предпринято будет со всеми предосторожностями, которых важность обстоятельств требовать может»^{vi}. Наконец, 22 августа в «Журнале военных действий» появилась запись: «Вступила армия в лагерь при Бородине. По осмотре Главкомандующим позиции повелено было немедленно приступить к укреплению оной».

Достоинства и недостатки Бородинской позиции, расположение войск на ней, замыслы русского командования, по-видимому, так и останутся предметом жарких дискуссий среди специалистов ввиду явной недостаточности источниковой базы. М.И. Кутузов, как известно, не вел дневника, не оставил мемуаров, в переписке с театра военных действий в 1812 г. был предельно лаконичен, в общении с окружающими скрытен и даже лукав. В целом же его эпистолярное наследие убеждает в том, что при Бородине российскую армию возглавлял человек, наделенный даром, который принято определять словом «интеллект». Упреки сослуживцев в том, что он избегал входить во все детали, не стремился видеть все своими глазами, объехав Бородинское поле в походном экипаже, подаренном Александром I, не совсем основательны. Кутузов многое домысливал и предвидел, основываясь на здравом уме. По опыту прежних войн, полководец, по-видимому, считал, что «сокол из басни», как он назвал Наполеона, – человек величайшего, но рационального ума; иррациональное, напротив, сбивало противника с мысли. Примеры тому уже встречались: неудачный Египетский поход, гибельная для французов война в Испании, наконец, отступление русских войск в глубь России – все это вызывало недоумение Наполеона.

Безусловно, императору Франции непросто было соотнести расположение русских войск с оборонительными возможностями позиции при Бородине, руководствуясь одними только правилами военного искусства. Так, Наполеон полагал, что Кутузов должен расположить свои войска между двумя дорогами, ведущими к Москве – Новой Смоленской и Старой Смоленской, расстояние между которыми составляло около 4–5 верст, обе коммуникации проходили через Бородинское поле почти параллельно друг другу и сходились за Можайском в тылу у русской армии. Но протяженность боевых порядков русских войск по фронту составляла около 8 верст! При этом на правом фланге было сосредоточено 2/3 наших сил: здесь находилась 1-я Западная армия М.Б. Баркляя де

Толли, числом около 70 тыс. Этот участок позиции выглядел неприступным ввиду того, что войска располагались на высоком и обрывистом берегу реки Колочи. Здесь существовали и другие естественные препятствия – многочисленные овраги, по дну которых бежали речка Воинка, ручьи Стонец и Огник. На левом же фланге, где местность была пологой, встали войска 2-й Западной армии князя П.И. Багратиона – всего около 30 тыс. Явную диспропорцию сил можно объяснить особой значимостью в планах русского командования Новой Смоленской дороги: «прорыв французов на эту дорогу отрезал бы русскую армию от Москвы и грозил бы ей гибелью»^{vii}. Армия Баркляя де Толли надежно прикрывала «Новую Смоленянку», пересекая ее почти под прямым углом, но позиция правого крыла продолжалась еще версты на три к северу до самой Москвы-реки, в то время как левый фланг странным образом обрывался, не дотягиваясь до Старого Смоленского тракта. По словам очевидца, «неприятель, форсируя по Старой Смоленской дороге через Утицу, мог придти в Можайск и чрезвычайно затруднить наше положение»^{viii}.

24 августа Великая армия появилась на Бородинском поле; в тот день произошло «адское дело при Шевардине». Русские и неприятельские войска ожесточенно сражались с 14.00 до наступления ночной темноты в окрестностях Шевардинского редута, являвшегося опорным пунктом первоначальной позиции левого фланга. Наполеон, продвигаясь с главными силами по Новой Смоленской дороге, приказал с марша взять укрепление, препятствовавшее ему развернуть войска для «большого сражения». Армия Багратиона упорно сдерживала натиск неприятеля, по-видимому, из-за того, что была атакована во время перемены фронта: из-за явных недостатков позиции левое крыло по приказу Кутузова сдвинулось на юго-восток от деревни Шеварино к деревне Семеновское. Потери были примерно равны: около 6 тыс. с каждой стороны.

В ходе боевых действий, «форсируя по Старой Смоленской дороге» в Утицком лесу, противник обнаружил, что русские войска там отсутствуют, что не могло не удивить Наполеона. Было ли это оплошностью со стороны Кутузова, или же он, сознавая неравенство сил, искал благовидного предлога избежать сражения? 23 августа Кутузов сообщал Александру I: «Но ежели он (неприятель), находя мою позицию крепкою маневрировать станет по другим дорогам, ведущим к Москве, тогда не ручаюсь, что может быть должен идти и стать позади Можайска, где все сии дороги сходятся, и как бы то ни было Москву защищать должно». Отсутствие героического пафоса и словосочетания «не ручаюсь», «может быть» и «как бы то ни было» наводят на мысль, что Кутузов продолжил бы отступление в случае флангового обхода, тем более что он все еще рассчитывал на прибытие резервов. Наполеон, два месяца безуспешно преследовавший русские войска, мог интуитивно уловить настроения «старого лиса», как он называл Кутузова, и не пошел далее по Старой Смоленской дороге. Кутузов признавал, что реализовать идею флангового обхода неприятель может в день генеральной битвы, сочетая этот маневр с ударом по фронту, однако остался на позиции. «Безмолвный диалог» обоих полководцев продолжался 25 августа. Наполеон, обнаружив в селе Бородине на правом фланге передовой пост русских егерей, отделенный от главных сил рекой Колочей, не стал атаковать этот пункт, так объяснив свои действия генералу д'Антуару: «Позиция у Бородино придает уверенность противнику и побуждает его дать сражение. Если я захвачу ее этим вечером, неприятель не устоит и ночью ретируется; я больше не знаю, где я смогу его нагнать; возьмем ее завтра на рассвете»^{ix}.

Кутузов соглашался на генеральное сражение, которого желал Наполеон; император Франции, в свою очередь, не мешал русским воинам «устраиваться к кровопролитию следующего дня». Штабной генерал Ж. Пеле-Клозо, участник «битвы гигантов» и автор самой серьезной и обстоятельной французской работы о Бородинском сражении, рассуждал: «Наши силы представлялись этому генералу (Кутузову) в двух колоннах, направленных на центр его линии. Подобное расположение достаточно указывало, что Наполеон переведет французскую армию на тот или другой берег Колочи» (во французской историографии центром позиции, в отличие от русской, часто называли

участок фронта, занимаемый армией Багратиона). Последнее обстоятельство, вероятно, не позволяло Кутузову до выяснения намерений противника ослабить сильную группировку русских войск в районе Новой Смоленской дороги.

Правый фланг, занимаемый 1-й Западной армией М.Б. Баркляя де Толли, тянулся от деревни Маслово через деревни Горки к центру русской позиции, перед которым было возведено укрепление (люнет), впоследствии названный батареей Раевского. Здесь смыкался фронт обеих армий, и далее, через деревню Семеновское до Утицкого леса, располагались войска 2-й Западной армии князя П.И. Багратиона. В «диспозицию для 1-й и 2-й Западных армий, при селе Бородине расположенных августа 24 дня 1812 г.» к 26 августа были внесены существенные изменения. Фактическое размещение войск было следующим: первую линию, так называемую «кор де баталь», составляли пехотные корпуса – 2, 4, 6, 7, 8-й; во второй линии находилась кавалерия – 1, 2, 3, 4-й кавалерийские корпуса, корпус тяжелой кавалерии под командованием генерал-лейтенанта князя Д.В. Голицына 5-го; в третьей линии («позади центра») стояли резервы – 5-й гвардейский корпус у деревни Князьково и артиллерийский резерв у д. Псареве. Накануне битвы начальник Главного штаба Л.Л. Беннигсен и М.Б. Барклай де Толли предлагали М.И. Кутузову вдвое сократить фронт, расположив 1-ю армию от Горок до Семеновского, а 2-ю армию передвинуть на Старую Смоленскую дорогу, но Кутузов отказался от этого рискованного предложения. Заняв эту позицию, вверенным ему войскам пришлось бы отстаивать ее до последнего солдата, потому что в случае прорыва фронта армия Багратиона не выбралась бы из леса, весьма частого и заболоченного, не лишившись «материальной части армии» – артиллерии. Однако по приказу Кутузова на Старую Смоленскую дорогу был незаметно для неприятеля переброшен 3-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Н.А. Тучкова 1-го. В то же время император Наполеон отказался от глубокого обхода левого фланга русской позиции, предложенного маршалом Л.-Н. Даву, предпочитая атаковать ее с фронта, что предвещало кровопролитный «проклятый ближний бой» на участке между батареей Раевского и Утицким лесом.

«Знаменитое в летописях народов» Бородинское сражение началось в понедельник 26 августа около 6 часов утра, или, как тогда говорили «в 6 часов по полуночи». По замыслу Наполеона, войска Великой армии пытались совершить гигантское захождение правым плечом вперед: по Старой Смоленской дороге двигался в обход нашего левого фланга 5-й корпус генерала Ю. Понятовского; одновременно 1-й корпус маршала Л.-Н. Даву должен был овладеть Семеновскими (Багратионовыми) флешами – укреплениями впереди д. Семеновское, «служившими для связи с войсками на Старой Смоленской дороге»; 3-й корпус маршала М. Нея, «центр сражения», при поддержке 8-го корпуса генерала Ж.-А. Жюно и кавалерии маршала И. Мюрата (1, 2 и 4-й корпуса), должен был нанести главный удар между батареей Раевского и д. Семеновское; 4-й корпус Е. Богарне, являясь «осью сражения», должен был удерживать село Бородино, содействуя «центру сражения». Обрушив страшный удар на левый фланг и центр русской позиции, Наполеон рассчитывал прорвать фронт и разбить главные силы Кутузова, загнав их в угол слияния реки Колочи с Москвой-рекой. С этой целью французский полководец в ночь с 25 на 26 августа сосредоточил в районе д. Шевардино, где находился его командный пункт, около 96 тыс. войск из 135 тыс.

На рассвете князь Багратион увидел перед собой эту «несметную силу» неприятеля: «окрестности Шевардина являлись унизанными штыками и загроможденными пушками». Главнокомандующий 2-й армии потребовал у Кутузова подкреплений; его просьбу поддержал генерал Л.Л. Беннигсен, побывавший перед началом битвы у Семеновского и известивший Главнокомандующего русской армией о ночных передвижениях в стане неприятеля. Оценив опасность, нависшую над левым флангом, Кутузов около 5.30 начал перегруппировывать войска, спешно направив к Семеновскому 2-ю гвардейскую пехотную бригаду полковника М.Е. Храповицкого (полки Лейб-гвардии Литовский и Измайловский), 1-ю сводно-гренадерскую бригаду полковника князя Г.М. Кантакузена, кавалерийскую бригаду генерал-майора Н.М.

Бороздина 2-го (полки Лейб-кирасирские Его и Ее Императорских Величеств, Астраханский кирасирский полк), Лейб-гвардии Финляндский полк и две батарейные роты Лейб-гвардии Артиллерийской бригады. В ожидании подкреплений Багратион выдвинул в первую линию всю имевшуюся у него под рукой артиллерию, включая резерв у деревни Псаревы: 110–120 орудий было расположено за Семеновским оврагом на высотах, представлявших собой амфитеатр по отношению к местности, где находились флеши, на которых было размещено 52 орудия.

Сражение на левом фланге развернулось «не по сценарию». Между 5.30 и 6.00 две пехотных дивизии из корпуса маршала Даву, избегая потерь от артиллерийского огня, двинулись в атаку на Семеновские флеши через Утицкий лес. Для успеха атаки Даву не хватило войск, поскольку по приказу Наполеона он передал 1-ю и 3-ю дивизии в подкрепление войскам Богарне в центре, а 2-я дивизия генерала Л. Фриана была оставлена в резерве «для поправки ошибок». В лесу вся 4-я дивизия генерала Ж.М. Дессе и частично 5-я – генерала Ж.-Д. Компана столкнулись с егерями, которых оказалось больше, чем ожидалось. Войска увязли в длительной перестрелке, оторвавшись от артиллерийского прикрытия. Картечные выстрелы с батареи генерала Ж. Сорбье не достигали русской позиции, а следовавшая вдоль опушки 30-орудийная батарея генерала Ж. Пернети, отстав, не смогла поддержать атаку. «Пехота двигалась не стреляя, она торопилась настичь врага и прекратить огонь. Но Компан, генерал этой колонны и лучшие из солдат упали раненые. Колонна, растерявшись, остановилась под градом пуль... – рассказывал генерал Ф. Сегюр. – Наши дивизии с самого начала сражения терпят страшные потери. В четверть часа поражены Даву, Компан, Тест, Дессе, Дюпеллен, Рапп... Раны начальников не охлаждают пылкости солдат, но они расстраивают направление движения»^x. Когда неприятель «грозно выказался из лесу» у южной флеши, «действия с наших батарей было ужасно», а гренадеры 2-й сводно-гренадерской дивизии М.С. Воронцова «проводили французов на штыках до самого леса».

Между 7.00 и 8.00 Багратион вновь затребовал подкреплений у Кутузова. Но в это время «неприятель учинил первое стремление на село Бородино, атаковав оное 13-ю дивизиею генерала Дельзона корпуса вице-короля италианского, вероятно с тем, дабы обратить главное внимание наше на сей пункт...»^{xi}. Французы ворвались в село, оттеснив Лейб-гвардии Егерский полк, лишившийся в жестокой схватке половины своего состава. В это время генерал Беннигсен потребовал 1-й егерский полк, «виданный им в славных битвах войны 1806 и 1807 годов», и лично отдал приказ его командиру полковнику М.И. Карпенко вывести из-под огня лейб-егерей, отбросить зарвавшегося неприятеля и уничтожить мосты через Колочу. Егеря Карпенко ворвались «на штыках» в Бородино, «истребив до тла» оба моста через реку.

Бой на правом фланге продолжался около часа, но его последствием явилась задержка в передвижении 2-го и 4-го пехотных корпусов, остававшихся на правом фланге в то время, как Багратион уже, по образному выражению очевидца, «стоял в крови» в яростном противоборстве у деревни Семеновское. Войска 2-й армии, обороняя «боковые реданты», сдерживали напор неприятельских колонн, «хвосты которых были скрыты лесами». Более 400 орудий, сосредоточенных с обеих сторон на пространстве более версты, «простреливали насквозь» ряды сражающихся, продолжавших «с бешенством отчаяния» оспаривать друг у друга разбитые ядрами укрепления. Находившаяся в первой линии 2-я сводно-гренадерская дивизия генерал-майора графа М.С. Воронцова была почти полностью уничтожена при защите Семеновских флешей «во время первой и жестокой атаки 5–6 французских дивизий, которые одновременно были брошены против этого пункта»^{xii}. Генерал Воронцов, получивший жестокую рану, вспоминал: «Сопrotивление не могло быть продолжительным, но оно кончилось, так сказать, с окончанием существования моей дивизии. <...> Мне выпала судьба быть первым в длинном списке генералов, выбывших из строя в этот ужасный день». Участь 2-й сводно-гренадерской дивизии разделила 27-я пехотная дивизия генерал-майора Д.П. Неверовского, бросившаяся на помощь своим товарищам по оружию и «исполнившая долг чести и

храбрости, уничтожая несколько раз неприятельские намерения овладеть укреплениями»

xiii

Между 8.00 и 9.00 пехота Даву и Нея захватила флеши, готовясь атаковать русскую позицию за Семеновским оврагом и ворваться в деревню Семеновское. Тогда Багратион ввел в бой «частный резерв левого фланга» – 2-ю гренадерскую дивизию. До этого часа отборные полки русской пехоты ждали своего часа, скрытые за высотами деревни Семеновское. Одновременно князь Багратион приказал нанести фланговый удар силами тяжелой кавалерии корпуса генерал-лейтенанта князя Д.В. Голицына 5-го. «Князь замыслил великое дело. Приказания отданы, и все левое крыло наше, по всей длине своей, двинулось с места и пошло скорым шагом в штыки! Сошлись!... Тысячи расшиблись на единицы, и каждая кружилась, действовала, дралась! Это была личная, частная борьба человека с человеком, война с воином, и русские не уступили ни на вершок места. Но судьбы вышние склонили чашу весов на сторону французов. Мы вдруг стали терять наших предводителей», – повествует в «Очерках Бородинского сражения» Ф.Н. Глинка^{xiv}. Получил тяжкую рану начальник 2-й гренадерской дивизии генерал-майор принц Карл Мекленбургский, во главе контратакующих колонн были ранены командир 8-го пехотного корпуса генерал-лейтенант М.М. Бороздин 1-й, генерал-лейтенант князь А.И. Горчаков 2-й, был убит на бруствере укрепления полковник князь Г.М. Кантакузен, по преданию, его 1-ю сводно-гренадерскую бригаду ввел в редан, отбитый у неприятеля, сам Багратион. Сильно пострадали полковые командиры. Во главе Московского гренадерского полка был ранен полковник И.Я. Шатилов. Подвиг его соратника запечатлен в «Описании сражения при селе Бородине»: «Астраханского гренадерского полку полковник Буксгевден [И.Ф. – Л.И.], несмотря на полученные им три тяжкие раны, пошел еще вперед и пал мертв на батарее с многими другими храбрыми офицерами». Сам «Второй Главнокомандующий» находился посреди сражающихся войск, когда осколок гранаты раздробил ему берцовую кость левой ноги. Опасаясь смутить подчиненных, князь Багратион некоторое время пытался скрыть свою рану и, преодолевая боль, удерживался в седле, пока не потерял сознание. «В мгновение ока пронесся слух о его смерти, и войск невозможно удержать от замешательства. Никто не внемлет грозящей опасности, никто не брежет о собственной защите: одно общее чувство – отчаяние!» – вспоминал Ермолов^{xv}. Рядом с Багратионом был ранен почти в ту же минуту начальник штаба 2-й армии генерал-лейтенант граф Э.Ф. де Сен-При. Неприятель вновь захватил реданы и пытался прорваться в деревню, как был атакован подоспевшей со Старой Смоленской дороги 3-й пехотной дивизией Коновницына, сбившей французов с Семеновских флешей.

Усилия русских воинов, «которые клали головы, не думая положить ружье», были не напрасны. Маршал Ней известил Наполеона, что Багратион вновь перешел в наступление, выбил его из деревни и отнял флеши. Ней требовал немедленно подкрепить его, «если Император не хочет, чтобы маршал был разбит». Но и положение Коновницына, отбившего «реданты» во время последней, третьей по счету «большой» русской контратаки, усугублялось серьезной напастью: упорство русских вынудило Нея перебросить к лесу 8-й (вестфальский) корпус Жюно; вестфальцы должны были обойти русские укрепления со стороны Утицкого леса, чтобы, по приказу Нея, восстановить линию с войсками Понятовского, замешкавшегося на Старой Смоленской дороге. Офицер 23-й пехотной дивизии корпуса Жюно вспоминал: «Мы перешли через овраг, тянувшийся восточнее Шевардино в лесу, и продвигались по нему вперед... чтобы как можно скорее выйти на одну высоту с дивизией Компана. Едва мы оказались в редком кустарнике на опушке леса и вышли оттуда на простор, как были встречены ужасным огнем, и наступление мгновенно остановилось»^{xvi}. Удар по Семеновскому с фланга оказался бы крайне опасным, если бы к полю боя не подоспели кирасиры из бригады Бороздина 2-го и вместе с ними 2-я батарея Лейб-гвардии Конной артиллерии капитана Р.И. Захарова. Увидев неприятеля, сосредоточившегося к атаке, он, не дожидаясь приказа, с марша развернул все восемь орудий и открыл огонь с ближайшего картечного выстрела. «Вся

голова колонны в полном смысле слова была положена на месте»,– вспоминал участник битвы офицер-артиллерист А.С. Норов. Успех артиллерии был поддержан в очередной раз кавалерией князя Голицына, которая, по словам генерала Ф. Сегюра, «мужественно использовала свою удачу».

В то время вид поля битвы у Семеновского ужасал каждого, потери обеих сторон были велики и невосполнимы. Именно здесь французская армия расшибалась о русскую. По словам Багратиона, «и трус не смог бы найти себе здесь места». В рапорте Александру I от 27 августа он образно назвал равнину перед Семеновским оврагом «гробом французской пехоты». Коновнищину, единственному генералу, уцелевшему на этом «пиру смерти,» следовало немедленно принять решение, что делать дальше. Неприятель, которого он, ошеломив внезапностью, прогнал с реданов, снова концентрировался перед нападением, выдвигая артиллерию, пехоту и кавалерийские корпуса (4-й генерала М. Латур-Мобура и 1-й генерала Э. Нансути). Коновнищын распорядился немедленно оставить разбитые неприятельскими ядрами флешы и отойти за Семеновский овраг. Он известил командира 7-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Н.Н. Раевского о ранении Багратиона и просил принять по старшинству командование над войсками. «Я отвечал ему, что не могу отлучиться, не отразив прежде атаки, направленной против меня и просил его действовать сообразно с обстоятельствами», – вспоминал Раевский.

Именно в это время Наполеон привел в действие войска своего левого крыла. Наступал решающий для обеих сторон период сражения. Между 8.00 и 9.00 Наполеон вынужден был изменить свой первоначальный план. Е. Богарне перестал быть «осью сражения» и получил приказ атаковать Большой редут, или батарею Раевского. Генерал Сегюр позже недоумевал по этому поводу: «Эта атака не должна была носить такого стремительного характера. Имелось в виду только удерживать и занимать Баркляя на этой стороне, так как битва должна была начаться с правого крыла и развернуться вокруг левого. Таков был план императора, и никому не известно, почему он вдруг нарушил его в самый момент исполнения». Впрочем, французский автор сам ответил на свой вопрос: «Багратион, со всеми своими подкреплениями, перестроил свою боевую линию. <...> Его огонь расстраивал наши ряды. Его атака носила бурный, стремительный характер... Ней и Мюрат напрягли все свои силы, чтобы выдержать эту бурю. Дело шло уже не о дальнейшей победе, а о сохранении того, что было достигнуто»^{xvii}. Наполеону стало очевидно, что его войска, напавшие всей массой «в лоб» на Семеновское, истощили себя в бесплодных усилиях, в то время как Понятовский по-прежнему не мог завладеть «Старомосковской дорогой».

Около 8.30, когда русские войска на левом фланге с трудом сдерживали яростный натиск противника, бригада генерала Ш. Бонами из дивизии генерала Ш. Морана двинулась к центральному редуту. Захват этого укрепления обеспечил бы успех войскам Даву, Нея и Мюрата и позволил бы, наконец, неприятелю осуществить главную тактическую задачу: прорвать оборону русских войск на участке батарея Раевского – деревня Семеновская. На острие атаки оказался 30-й линейный полк, где служил капитан Ш. Франсуа, подробно описавший это происшествие «Мы достигаем гребня оврага и уже находимся на расстоянии половины ружейного выстрела от русской батареи. Она осыпает нас картечью, ей помогают несколько прикрывающих ее батарей...Целые ряды, полувзводы падают от неприятельского огня, оставляя пустые пространства. Стоящий во главе 30-го (полка) генерал Бонами приказывает нам остановиться и под пулями выстраивает нас, а затем мы снова идем. Русская линия хочет нас остановить, в 30 шагах от нее мы открываем огонь и проходим. Мы бросаемся к редуту, взбираемся туда через амбразуры... Русские артиллеристы бьют нас банниками, рычагами. Мы вступаем с ними в рукопашную и наталкиваемся на страшных противников. Много французов вперемежку с русскими падают в волчьи ямы...Солдаты были до того разгорячены, что перешли редут шагов за 50. Но другие полки, имевшие свои схватки с русскими, не последовали за нами. Полк наш разгромлен...Мы отступаем, имея 11 офицеров и 257 солдат – остальные убиты или ранены. Храбрый генерал Бонами, все время сражавшийся во главе полка, остался в

редуте он получил 15 ран и взят русскими в плен»^{xviii}. Угроза центру русской позиции была предотвращена «совокупными действиями» 7-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Н.Н. Раевского и 6-го пехотного корпуса генерала от инфантерии Д.С. Дохтурова. Особенно отличились в этом «яростном и ужасном» бою начальник штаба 1-й армии генерал-майор А.П. Ермолов и начальник артиллерии генерал-майор граф А.И. Кутайсов. В рапорте М.Б. Барклаю де Толли от 20 сентября 1812 года Ермолов сообщал об одном из знаменитых «подвигов дня»: «Взяв один только 3-й батальон Уфимского пехотного полка, остановил я бегущих и толпою в обрез колонны ударил в штыки. Неприятель защищался жестоко, батареи его делали страшное опустошение, но ни что не устояло»^{xix}. Граф А.И. Кутайсов «при взятии батареи был убит».

Отметим, что события на южном фланге являлись для Наполеона такой же неожиданностью, как и для Кутузова. Что же произошло? Около 6.30, получив ошибочное известие о гибели маршала Даву, Наполеон передал командование войсками маршалу М. Нею, рассчитывая, что «храбрейший из храбрых» по диспозиции примкнет правым флангом к войскам Даву, соединившись с ними для решительной атаки Семеновского. Но те войска с трудом удерживали южную флеш и просили маршала о помощи, и Нея внезапно повернул свою колонну направо, изменив направление атаки и пытаясь в азарте поразить одним ударом двойную цель: взять и флеш, и деревню Семеновское. Соединив все войска, бывшие у него под рукой, маршал «непомерно усилил свой правый фланг». Инициатива Нея, следствием которой явилось смещение более 13 000 человек на край левого фланга русской армии, существенно повлияла на ход битвы, предопределив ее «нерешенный исход». Это «самоуправство» создало обоюдоострую ситуацию, и, с точки зрения неприятельской стороны, поступок Нея мог быть оправдан, увенчайся он успехом. Войска 2-й Западной армии оказались под угрозой полного разгрома до прибытия резервов, так как под рукой у Багратиона вместе с подоспевшими гвардейцами оказалось около 40 тыс. человек против 60 тыс. противника. Именно поэтому и проявила себя пресловутая растянутасть правого крыла. Кутузов не успевал стремительно отреагировать на молниеносный рывок противника. Он в полной мере осознал опасность, нависшую над армией Багратиона, не столько у самого Семеновского, сколько севернее деревни, где между 8.00 и 9.00 русских войск не хватало, но их не хватало и неприятелю: по иронии судьбы в этом пункте фронт обеих армий «разорвался» одновременно! Сами французы были уверены в том, что в 9.00 победа почти была у них в руках. Однако защитникам Семеновского удалось отразить сокрушительную атаку неприятеля, подавлявшего их своей численностью. При этом они отвлекли внимание противника от места нанесения главного удара севернее Семеновского.

Кутузов, вероятно, пытался найти объяснение «разжижению» (Ф.Н. Глинка) неприятельского фронта именно там, где он ожидал сильного натиска: французы, сбившись в колонну, ломались на самый край левого фланга, почему-то пренебрегая пространством между батареей Раевского и деревней Семеновское. Наполеон не менее был удивлен открывшимся ему при солнечных лучах зрелищем. Его армия, по образному выражению очевидца, «наваливала» всей массой на левый фланг противника, правый фланг которого он увидел на том же самом месте, где и накануне, протянувшимся на север до линии горизонта. Созерцание величавой мощи правого крыла русских обескураживало Наполеона, который всему искал логическое объяснение. Сомнения французского полководца изложены штабным генералом Ж. Пеле: «Кажется, Император полагал, что русские расположились между двумя дорогами, ведущими в Можайск, и не знал о продолжении их правого крыла. Наполеон был введен в заблуждение этой важной ошибкой, которую ему было невозможно заметить и в особенности отгадать. Это мнение оказало значительное влияние на его первоначальные распоряжения и на поведение его в продолжение сражения. Он полагал, что он дает почти фронтальное сражение тем войскам, которые противопоставили под Прейсиш-Эйлау непобедимое сопротивление и которые под Валутиной горой показали себя достойными своей прежней известности. Превосходя числом французскую армию, они ежеминутно могли перейти в наступление,

обрушиться на какую-либо часть нашего фронта, направить против наших поколебавшихся батальонов превосходную кавалерию или тучу казаков на нашу линию отступления. Многочисленные предосторожности были необходимы». Далее Пеле пытался анализировать «головоломку», вольно или невольно заданную Кутузовым своему противнику: «Он [Наполеон – *Л.И.*] знал, что гвардия, гренадеры, кирасиры с утра уже введены в дело. Но он также знал, что большая часть неприятельской армии еще не сражалась; он должен был тревожиться тем назначением, которое готовил ей Кутузов... Русские офицеры пренебрегли занять разветвление оврага, узел обороны... Мы не могли воспользоваться этой небрежностью, потому что леса скрывали от нас расположение местности. Иначе с нашей стороны было бы важной ошибкой не связать массой пехоты атаки центра и левого крыла». Тем не менее неприятельские атаки центра и левого крыла русской позиции оказались не связаны между собой, в чем сам неприятель видел причину нерешительного исхода сражения.

Если «неподвижная сила» правого крыла и произвела впечатление на Наполеона, русскому командованию не следовало долго злоупотреблять этим эффектом. Кутузов стал перебрасывать войска правого фланга для укрепления левого крыла и центра. Отечественная историография содержит немало упреков в адрес Главнокомандующего русскими войсками, не торопившегося передвигать войска 2-го и 4-го пехотных корпусов. Принято считать, что эти соединения подоспели к месту боя лишь около 12.00, но последние исследования боевых действий на Старой Смоленской дороге позволяют усомниться в этой «полуденной версии»^{xx}. Около 7.00 в Утицком лесу польские войска 5-го пехотного корпуса генерала Ю. Понятовского достигли расположения 3-го пехотного корпуса генерала-лейтенанта Н.А. Тучкова 1-го. Перед противниками стояли сходные задачи: «скрытое войско» Тучкова, по замыслу Кутузова, должно было неожиданно нанести удар по флангу неприятеля атакующего войска Багратиона, а корпусу князя Понятовского предписывалось также внезапно обрушиться с фланга на Багратиона, содействуя фронтальным атакам Даву, Нея и Мюрата. Тучкову, «заплатившему за успех жизнью», удалось остановить продвижение польского корпуса по Старой Смоленской дороге, предотвратив угрозу левому флангу русской позиции. Более того, будучи сам атакован неприятелем «в значущих силах», он выполнил требование князя Багратиона, направив к Семеновскому 3-ю пехотную дивизию Коновницына, и лишь с одной оставшейся у него дивизией – 1-й гренадерской генерал-майора графа П.А. Строганова – продолжал удерживать свою позицию в Утицком лесу до прибытия подкреплений. После 9.00 маршал Ней узнал, что Понятовский не может поддержать фронтальный натиск наполеоновских войск на позицию русских у Семеновского. Более того, между войсками, атакующими Семеновское и корпусом Понятовского образовалось пространство, занятое русскими егерями, вступившими в оживленную перестрелку с поляками. Ней, чтобы обезопасить свой фланг, направил в лес 23-ю пехотную дивизию 8-го корпуса. Около 10.00 вестфальцы натолкнулись в лесу на части... 2-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта К.Ф. Багговута. Это означает, что Рязанский и Брестский пехотные полки из корпуса Багговута прибыли с крайней правой точки русской позиции в крайнюю левую точку задолго до полудня! Что же тогда говорить о 4-м пехотном корпусе генерал-лейтенанта графа А.И. Остермана-Толстого, располагавшегося перед битвой на Новой Смоленской дороге, которому надлежало преодолеть всего около двух верст для того, чтобы «залатать» фронт между батареей Раевского и Семеновским? Следовательно, если войска 2-го и 4-го корпусов и запаздывали, то отнюдь не на три часа, а их пребывание на правом фланге имело положительное влияние на ход битвы: во-первых, Наполеон посчитал нужным усилить корпус Богарне двумя пехотными дивизиями из корпуса Даву, что не могло не сказаться на ходе боя у Семеновского, во-вторых, французский полководец также не стал «отрывать» свой фланг от Новой Смоленской дороги.

Итак, в 9.00 французы не смогли реализовать возможность добиться победы; для русских воинов кризис сражения благополучно миновал, хотя им еще многое предстояло

вынести в битве, которая развернулась по всему фронту от батареи Раевского до Старой Смоленской дороги. Пока наши войска в центре отражали атаку французов на батарею Раевского, а корпус Тучкова 1-го сдерживал натиск поляков и вестфальцев в Утицком лесу, Коновницын «устроил к бою» на высотах за Семеновским оврагом левый фланг, командование которым он передал генералу Дохтурову, назначенному Кутузовым вместо князя Багратиона. В первой линии находились «в баталионных каре» полки Лейб-гвардии Литовский и Измайловский, располагавшиеся южнее Семеновского, которое французы часто называли «сожженной деревней». К гвардейцам примкнула 3-я пехотная дивизия Коновницына и все, что осталось от многострадальной пехоты 2-й армии князя Багратиона, более трех часов отстаивавшей «боковые реданы». Один из участников битвы вспоминал, как в это время к защитникам Семеновского прибыл с командного пункта Кутузова полковник К.Ф. Толь и обратился к малочисленной группе солдат, заступивших место у орудий вместо выбывших из строя артиллеристов: «Какого полку, ребята?» И получил ответ: «Вторая сводная гренадерская дивизия графа Воронцова». Позади пехоты, во второй линии находились кирасирские полки из корпуса князя Голицына 5-го и 4-й кавалерийский корпус генерал-майора К.К. Сиверса 1-го. Русские войска, покинув флеши, успешно преодолели Семеновский овраг, что свидетельствовало о том, что силы атакующего противника постепенно слабели. В особенности это касалось знаменитой неприятельской пехоты, той самой пехоты, которая, по словам М.С. Воронцова, «с первых годов революции насчитывала десять успехов на одно поражение и во всех отношениях изменила политическое положение Европы».

После 10.00 на главные роли в битве заступила кавалерия Великой армии, до того времени находившаяся «в страдательном бездействии» под выстрелами русской артиллерии, «менявшейся смертью» с неприятелем. Более 200 орудий громили русскую позицию за оврагом, огонь русской артиллерии был не менее сокрушителен: генерал Коновницын «с необыкновенною быстротою устроил сильные батареи, которые неслись и стреляли; строились и стреляли; остановились и громили разрушительными очередными залпами». Русские артиллеристы на Семеновских высотах отличились жертвенным мужеством. Так, А.С. Норов, прибывший около полудня к Семеновскому в составе 2-й легкой роты гвардейской артиллерии, вспоминал: «Несколько правее от нас действовала небольшая батарея; мы узнали впоследствии, что это был остаток нашей гвардейской 1-й легкой роты, которая уже давно боролась возле Измайловского полка. Она уже готовилась сняться с позиции от огромной потери в людях, лошадях, от растраты всех зарядов и по причине подбитых орудий. Из ее семи офицеров уцелел только один Ладыгин; у прапорщика Ковалевского оторвало обе ноги, а у Рюля – одну». Не менее смертоносно действовали и русские «пушкарки». «Наша артиллерия была серьезно расстроена; четыре ее орудия были разбиты, а прислуга лежала – говорю без преувеличения – слоями друг на друге. Командир батареи... уверял меня, что прислуга была заменена уже в третий раз», – вспоминал офицер 4-го кавалерийского корпуса А. Лейссер, плененный при Бородине.

Между 10.00 и 11.00 неприятель вновь атаковал Семеновское. Только теперь Ней, по словам Э. Лабома, «возобновил упущенное с этой стороны наступление». Маршал решительно потребовал от Наполеона подкреплений, и французский император после долгих колебаний двинул в бой 2-ю пехотную дивизию генерала Фриана, предназначавшуюся для исправления ошибок. Обеспечить успех атаки пехоты Фриана должен был 4-й кавалерийский корпус генерала Латур-Мобура. Около 10.00 Фриан, не дожидаясь кавалерии, уже пытался ворваться в деревню, но был сброшен в овраг, за которым в течение уже длительного времени находился в бездействии маршал Мюрат с кавалерией, «подвергаясь губительному огню батареи Семеновского». Наконец, Мюрат приказал Латур-Мобуру «взять бригаду кирасир французских и саксонских, перейти овраг, изрубить всех, галопом влететь с задней стороны...»^{xxi}, но атаки кавалерии оказались недостаточно мощными. По словам неприятельских офицеров, «поле сражения было слишком тесно для огромного количества стиснутых на нем войск». Крутой берег Семеновского оврага являлся сильным препятствием и далеко не единственным, которые

преодолевали полки из саксонской бригады генерала Й. Тильмана. Участник этих атак полковник Лейссер писал: «...Передо мной на удалении примерно 1000 шагов находился обрывистый край долины, о который уже разбилось так много атак. <...> Мы двигались, подаваясь то вправо, то влево, то вновь перестраиваясь и преодолевая многочисленные препятствия. <...> А в одном месте 1-й эскадрон даже довольно глубоко увяз»^{xxii}. При подъеме на берег оврага лошади падали на всадников, скачущих позади, и увлекали их в падении. Многие кавалеристы проваливались в раскаленные погребки сгоревших домов, не заметив их в пыли атаки. Генерал Тильман назвал местность перед Семеновским «чрезвычайно сложной», что, по-видимому, вынуждало неприятеля атаковать русские каре поэскадронно, а не всей массой. На другом берегу оврага неприятельских кирасир встречали «латники» из корпуса князя Голицына 5-го. Русские кирасиры неоднократно устремлялись на помощь пехоте, ожесточенные схватки кавалерии развернулись в тылу у гвардейских каре.

Генерал Коновницын рассказывал об атаках «железных людей» Наполеона немногословно: «Три большие кавалерийские атаки неприятельских кирасир и конных гренадер...отражены были с невероятным успехом, ибо несмотря что кареи, устроенные оными полками, были совсем окружены, неприятель с крайним уроном был прогнан огнем и штыками»^{xxiii}. Начальник штаба 2-й армии генерал Э.Ф. Сен-При, наблюдавший за происходящим, записал в дневнике: «Тем не менее цель французов была достигнута, пехота их воспользовалась этой минутой беспорядка, чтобы овладеть деревней... Все наше левое крыло построилось позади деревни...»^{xxiv}. Укрепившись «на плато у сожженной деревни», французы подвинули орудия через овраг, подвергая всю линию сокрушительному обстрелу. Гвардейские офицеры, выстоявшие «со сжатым сердцем» несколько часов на позиции у Семеновского, сознавались, «что уже не искали способа отражать наскоков французской кавалерии, прерывавших на время действия французских батарей. И кто поверит, что минуты этих разорительных наскоков были минутами отрады и отдыха!»^{xxv}

Захватив деревню, войска Даву и Нея, поддерживаемые кавалерией, «потянулись» к центральной высоте. Войска 4-го корпуса вновь собирались атаковать батарею Раевского, как вдруг Е. Богарне получил известие об атаке русской конницы. Около 9.00 Кутузов принял предложение полковника Толя произвести «диверсию» силами кавалерийских корпусов генерал-лейтенанта Ф.П. Уварова и генерала от кавалерии М.И. Платова против правого крыла неприятеля. Между 12.00 и 13.00 кавалеристы Уварова и казаки Платова, переправившись через Колочу, показали севернее Бородина. Богарне приостановил атаку центрального редута, вернув часть своих войск на левый берег реки Колочи. Конечно, отряд силой в 2500 сабель вряд ли мог существенно повлиять на ход сражения, однако «развлек неприятеля», «несколько оттянув его силы, которые столь сильно стремились атаковать 2-ю нашу армию». Воины, сражавшиеся на нашем левом фланге, заметили, что на какое-то время им «сделалось легче дышать». Главным же следствием кавалерийского рейда явилось то, что неприятель на два часа приостановил атаку центра, позволив русскому командованию перегруппировать войска.

Тем временем между противоборствующими сторонами происходила яростная «артиллерийская дуэль», о которой вспоминали многие участники битвы. На пространстве от батареи Раевского до Семеновского, протяженностью немногим более 2,5 верст с обеих сторон действовало около 700 орудий. Н.Е. Митаревский, находившийся в битве в центре русской позиции, вспоминал: «Стреляли мы, стреляли батареи левее нас, стреляли из люнета и из-за люнета. Ружейных выстрелов не было уже слышно, их заглушала канонада... Не могу определить, на каком именно расстоянии были мы от неприятельских орудий, но мы могли наблюдать все их движения; видели, как заряжали, как наводили орудия. Как подносили пальники к затравкам. Вправо от нас, на возвышении, стояла наша артиллерия и действовала; внизу, над оврагом, где мы прежде стояли, была тоже наша артиллерия... С левой стороны от нас тоже гремела артиллерия, но нам за люнетом ее не было видно. Вообще, что делалось на нашем левом фланге – мы

ничего не видели. Слышался оттуда только гул от выстрелов до того сильный, что ни ружейных выстрелов, ни криков сражавшихся, ни стонов раненых не было слышно. Команду также нельзя было слышать и чтоб приказать что-нибудь у орудий, нужно было кричать; все сливалось в один гул».

Около 15.00 пехота Богарне двинулась в атаку на Большой редут, однако решающая роль в предстоящей схватке выпала на долю кавалерии. Неприятелю удалось сосредоточить здесь около 10 тыс. сабель. Русское командование спешно пыталось создать новый оборонительный рубеж с наличными силами, которых к тому часу оставалось немного. «Ключ позиции» защищала 24-я пехотная дивизия генерал-майора П.Г. Лихачева, находившаяся в овраге Огник. Северо-восточнее редута в направлении деревни Горки располагались полки 7-й пехотной дивизии генерал-майора П.М. Капцевича, от редута до Семеновского, изогнувшись дугой, выстроился 4-й пехотный корпус Остермана-Толстого. «Бесподобная пехота» два часа находилась на равнине под перекрестным огнем и несла страшные потери, но «избежать этого важного неудобства», по словам Барклая, «было нельзя». Адьютант генерала Ермолова П.Х. Граббе предлагал русским воинам лечь на землю, чтобы уменьшить потери от артиллерийского огня, но они отказались, предпочитая встретить смерть стоя. Курганная высота осталась в руках французов. По одной версии ее захватила французская тяжелая кавалерия генерала П. Ватье, по другой – саксонские кирасиры Й. Тильмана, по третьей – пехота Е. Богарне. В жестоком штыковом бою почти полностью полегла дивизия П.Г. Лихачева, но неприятелю казалось, «что она и мертвая продолжала защищать свой редут». Израненный штыками генерал Лихачев был взят в плен; со стороны неприятеля «остался в редуте» генерал О. Коленкур, пообещавший Наполеону, что будет там, живым или мертвым.

После взятия редута на местности, прилежащей к укреплению, происходили ожесточенные кавалерийские бои, продолжавшиеся более двух часов. Со стороны неприятеля в них участвовали войска 2, 3 и 4-го кавалерийских корпусов. М.Б. Барклай де Толли вывел в первую линию отборные полки русской кавалерии – Кавалергардов и Конную гвардию, опасаясь, что центр русской позиции будет неминуемо прорван неприятелем. Но на помощь кавалергардам и конногвардейцам, кроме кавалерии 2-го и 3-го кавалерийских корпусов, подоспели кирасиры Бороздина 2-го. Адьютант Барклай В.И. Левенштерн вспоминал о грандиозной кавалерийской «сшибке» (20 тыс. сабель) в центре позиции: «Сражение перешло в рукопашную схватку: сражающиеся смешались, не было более правильных рядов, не было сомкнутых колонн, были только более или менее многочисленные группы, которые сталкивались одна с другой ...»^{xxvi}. Неприятельская кавалерия не раз бросалась в атаки на русскую пехоту 4-го и 6-го корпусов, которая, построившись в каре, отбивалась от нападений штыками и «стреляла одновременно со всех фасов».

В 17.00 артиллерийские залпы постепенно стали затихать. Русские войска, уступив неприятелю на левом фланге около 1,5 верст, до наступления темноты продолжали стойко удерживать оборону по линии Горки – Псареве – Утицкий лес, и главное – не были разбиты. Ситуация в конце сражения, на наш взгляд, справедливо отражена в «Замечаниях на Бородинское сражение» начальника штаба 2-й армии Э.Ф. Сен-При: «Более пострадавшая 2-я армия была действительно ослаблена наполовину и во время сражения потеряла деревню, составлявшую ее левый фланг, и прикрывавшие его флешы, но линия армии не была прорвана, и ее левый фланг был только осажден назад: кроме того, вялость неприятельской атаки к вечеру, несмотря на выгоду его позиции, достаточно доказывала, что его потеря должна была быть очень значительной». Ожесточенные бои за опорные пункты русской позиции – Семеновские флешы, деревню Семеновское, батарею Раевского остановили наступательный порыв неприятельских войск. Диспозиция Наполеона, если и была выполнена в смысле захвата перечисленных объектов русской обороны, не повлекла за собою разгрома и уничтожения русских войск. Полковник Пельпор, командир 18-го линейного полка (корпус Нея), указал на бесплодность дальнейших атак, направленных на левое крыло русской армии. Он

вспоминал: «Их бесформенные и изуродованные нашей артиллерией массы не были рассеяны. 3-й корпус [Нея – Л.И.], ослабленный усилиями, которые должен был сделать, был обессилен, чтобы преследовать их отход». Артиллерийское прикрытие с русской стороны было не менее плотным и смертоносным, что вызвало у противника сомнения в целесообразности использования последнего резерва – гвардии. Ж. Пеле скептически оценивал шанс изменить ситуацию даже в случае использования этой элитной части войск: «Следовало ли вечером двинуть под страшным огнем императорскую гвардию, единственный резерв, не введенный в дело? Она могла быть истреблена прежде, чем дошла бы до неприятеля со своим грозным штыком. Она назначалась не для такого боя». Потери с обеих сторон были велики: русская армия потеряла 24–26 августа от 45 до 50 тыс. человек, а Великая армия – около 35 тыс. Главную причину значительных потерь генерал К. Клаузевиц видел в плотности боевых порядков русской армии, объясняемых необходимостью противостоять «лобовым» атакам наполеоновских войск: «Русская армия дралась в тот день в беспрецедентном по тесноте и глубине построении. Столь же тесно, а следовательно примерно так же глубоко, построилась и французская армия. Этим объясняется сильное и упорное сопротивление русских... Этим же объясняются и огромные потери людьми». Вопрос о потерях сторон на сегодняшний день является дискуссионным, также как и ответ на другой вопрос, неизменно возникающий в связи с итогами Бородинской битвы: чья победа? Ни одна из противоборствующих сторон, как известно, не признала своего поражения, напротив, в обеих армиях было немало энтузиастов, уверенных в победе именно той армии, в составе которой им выпала честь сражаться.

На наш взгляд, неправомерно делать однозначные выводы о победе Великой армии, подсчитывая «очки» как в спортивном состязании, как-то: захват села Бородина, захват флешей, захват Семеновского, захват батареи Раевского, отступление с поля боя, вступление в Москву и т.д. В этом случае абсолютно не учитываются причины, побудившие обе стороны вступить в сражение, и цели, которые в нем преследовались, сопоставление планов с достигнутыми результатами. Выше уже отмечалось, что Кутузов решился на генеральную битву по причинам «нематериального характера»: прежде всего он должен был поддержать моральный дух русских воинов, требовавших сражения. Вспомним также, что ко дню Бородина Кутузов не располагал сведениями ни о «депо второй линии», ни о фланговых армиях Тормасова и Чичагова, на содействие которых он должен был особенно рассчитывать. При любом исходе битвы он не мог развить успех без подкреплений.

Известный современный историк Н.А. Троицкий полагает, что у Кутузова было определенное намерение защитить древнюю столицу. Ученый пишет: «На деле Кутузов, как мы это видели, считал при Бородине своей главной задачей “спасение Москвы”^{xxxvii}. Документы не представляют возможности однозначно судить о планах Главнокомандующего русской армией при Бородине. Рапорт Кутузова от 23 августа, где фраза о намерении защищать Москву сопровождается вводными словами «не ручаюсь», «может быть», «как бы то ни было», на наш взгляд, позволяет сделать вывод, что Кутузов, решившись на генеральную битву, всегда считал своей «главной задачей» сохранить боеспособную армию. Едва лишь стихли залпы орудий, Кутузов обратился с одинаковым распоряжением к Барклаю и к Дохтурову: «...Решился я сегодняшнюю ночь устроить все войско в порядок, снабдить артиллерию новыми зарядами и завтра возобновить сражение с неприятелем. Ибо всякое отступление при теперешнем беспорядке повлечет за собою потерю всей артиллерии». Главнокомандующий невольно проговорился о своих замыслах, когда счел нужным объяснить соратникам не причины отступления, а напротив, намерение атаковать. Из этого документа явствует, что русские войска в сражении выстояли, коль скоро Кутузов, по необходимости, но вопреки своей воле, готов был вновь принять сражение.

Полководец точно уловил настроение противника: любой ценой занять Москву. То, что в планах Наполеона сформулированная им самим главная цель войны – «уничтожение

массы неприятельских войск» в азарте преследования подменилась вступлением в древнюю столицу России, подметил и Багратион: «Мне кажется, что точно неприятель весьма сильно торопится в Москву, а потом и назад». Кутузов основывал свои расчеты на том, что у него и у неприятеля разные цели: Наполеон полагал, что сражением он отворяет ворота Москвы, принудив Россию к заключению мира; Кутузов же допускал, что город он сдаст неприятелю, сберегая армию до прибытия резервов и помощи с флангов. В целом ситуация вынуждала его продолжить отступление к Москве при любом исходе генерального сражения. К этому следует прибавить, что, причинив неприятелю потери, следовало не допустить до разгрома собственные войска, а для этого надлежало своевременно увести их с поля боя, оторвавшись от преследования, иначе говоря «убить двух зайцев». С этой задачей полководец успешно справился. В отечественной историографии давно сложилась традиция: предьявлять М.И. Кутузову завышенные требования. Иностранцы историки, оценивая способности русского полководца по результатам всей военной кампании 1812 года, почему-то к нему более снисходительны: «В действительности он был отличным стратегом, умелым тактиком, человеком проницательным, хитрым, настойчивым, обладал несокрушимым хладнокровием. Он блестяще проявил себя на службе Родине»^{xxviii}.

Мужество и доблесть русских войск в Бородинском сражении Л.Н. Толстой оценил как «победу нравственную». Как ни высока оценка автора романа-эпопеи «Война и мир», но она создала определенный компромисс в историографии «битвы гигантов»: за русскими воинами признается «нравственная победа», за армией Наполеона – «физическая». По-видимому, ближе к исторической достоверности отзыв генерала А.П. Ермолова: «Победа пребыла обеим из противоборствующих сторон непреклонною. Неприятель мог достигнуть ее превосходством знатных сил. Россияне остались непобежденными отчаянным сопротивлением, объявшим ужасом их врагов». Подобным же образом высказывался и Наполеон, признавая, что «французы в битве показали себя достойными победы, в то время как русские стяжали право назваться непобедимыми».

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Дрейлинг И.Р. Воспоминания участника войны 1812 г. // 1812 г. Воспоминания воинов... М.; 1995. С. 372.

ⁱⁱ Толь К.Ф. Описание битвы при селе Бородине 24–26 августа 1812 года... СПб., 1839. С. 48–49.

ⁱⁱⁱ Клаузевиц К. 1812 год. М., 1997. С. 68.

^{iv} Seignobos Ch. La Methode historique appliqué aux sciences sociales. Paris, 1901. P. 32–33.

^v Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 25–26.

^{vi} Там же. С. 26.

^{vii} Троицкий Н.А. 1812: Великий год России. М., 1988. С. 143.

^{viii} Липранди И.П. Материалы для Отечественной войны 1812 года: Сб. ст. СПб., 1867. С. 115.

^{ix} D'Anthouard. Notes et documents...// Carnet de la sabretache. 1906. №162. P. 341.

^x Там же. С. 29.

^{xi} Толь К.Ф. Описание сражения при Бородине...// Бородино. С. 320–321.

^{xii} Бородино. С. 342.

^{xiii} Там же. С. 165.

^{xiv} Глинка Ф.Н. Очерки Бородинского сражения. М., 1987. С. 81.

^{xv} Ермолов А.П. Записки. М., 1991. С. 189.

^{xvi} Цит. по: Попов А.И. Действие вестфальцев в Бородинском сражении // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы науч. конф. Бородино, 1995. С. 68.

^{xvii} Сегюр Ф. Указ. соч. С. 31.

^{xviii} Journal du capitaine Francois. Paris, 1904. P. 787.

^{xix} Бородино. С. 171.

^{xx} Попов А.И. Указ. соч. С. 78.

^{xxi} Там же. С. 24.

^{xxii} Там же. С. 28.

^{xxiii} Там же. С. 168.

^{xxiv} Из дневника Э.Ф. Сен-При // Бородино. С. 395.

^{xxv} Глинка Ф.Н. Указ. соч. С. 113.

^{xxvi} Из записок генерала В.И. Левенштерна // Бородино. С. 366.

^{xxvii} Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 177.

^{xxviii} Валлотон А. Александр I. М., 1991. С. 209.